

Илья Виноцкий

Смерть барона. Герменевтика самоубийства в европейской культуре конца XVIII века (из истории русско-шведских связей)

The Death of a Baron: The Hermeneutics of Suicide in Late-Eighteenth Century European Culture, as Revealed by Russian-Swedish Correspondence

In October 1800, a young, rich, popular and successful Swedish aristocrat and military hero in the Russian service committed suicide, seemingly for no reason. His name was Major Magnus-Wilhelm Sprengtporten (1772–1800), and he was the son of the famous Swedish traitor, Finnish patriot and Russian agent Goran Magnus Sprengtporten (1740–1819; the future military governor of Finland). The real cause of his death in Moscow triggered an intense epistolary debate that has remained unnoticed by Russian and Western scholars of suicide. The participants of this debate included Russian, Swedish, Finnish, Polish, and French writers, politicians, military men, conspirators, adventurers, courtiers, and historians, ranging from the Russian writer Karamzin to Napoleon, then First Consul of France, and Russian Emperor Paul I. The major question posed by this project is not *why* the son of the infamous Swedish politician decided to commit suicide, but rather *how* this suicide reveals a number of dramatic ideological, political, emotional, and literary conflicts and shifts in Russia, Sweden, and Europe as a whole on the eve of the Napoleonic Wars.

Природа не может найти выход из запутанного лабиринта противоречивых сил, и человек умирает. Горе тому, кто будет смотреть на все это и скажет: «Глупая! Стоило ей выждать, чтобы время оказало свое действие, и отчаяние бы улеглось, нашелся бы другой, который бы ее утешил». Это все равно, что сказать: «Глупец! Умирает от горячки. Стоило ему подождать, чтобы силы его восстановились, соки в организме очистились, волнение в крови улеглось: все бы тогда наладилось, он жил бы и по сей день».

И.-В. Гете. *Страдания юного Вертера*

Чебутыкин: Пусть поплачут... (Тихо напевает.) Та-ра-ра-бумбия... сiju на тумбе я... Не все ли равно!

А.П. Чехов. *Три сестры*

Печальное событие, о котором пойдет речь в этой статье, случилось между самоубийствами автора *Российского Вертера* Михаила Сушкова (1792) и автора *Путешествия из Петербурга в Москву* Александра Радищева (1802), имевшими значительный общественный резонанс и породившими множество разного рода истолкований – от светских сплетен до историко-культурных интерпретаций. В отличие от этих знаменитых самоубийств заинтересовавший нас случай редко привлекал к себе внимание историков: в научной литературе о нем можно найти лишь 3-4 беглых упоминания. Между тем русская “история самоубийств” без него остается неполной.

В этой работе мы постараемся реконструировать, каким образом жизненный акт – самоубийство – становится фактом эмоциональной культуры “и в этом качестве явлением историческим” (Паперно 1999: 6). Материалом для нашего исследования являются преимущественно письма, воспоминания и другие эго-документы современников. Историчность самоубийства видится нам не столько в отражении в этом “институте” общего “человеческого опыта”

(идеологического или психологического) в данную историческую эпоху, сколько в проявлении в каждом отдельном случае (точнее, в его обсуждении современниками) конкретных исторических, политических, идеологических и иных конфликтов¹. В этом интерпретационном контексте значимым представляется нам каждый культурный голос, вовлеченный в общий трагический хор².

1.

В 1845 году молодой казанский журналист Николай Второв опубликовал фрагменты из писем своего соотечественника, одного из первых русских романтиков поэта Гаврилы

¹ Литература о культурном значении самоубийства (споров о самоубийстве) в XVIII веке огромна. Неудивительно, что большая часть исследований этой проблемы строится как *case studies*, разрабатывающие новые методологии – от семиотики культурного поведения до истории идей и истории эмоций. Историко-культурная индивидуализация общей проблемы представляется нам наиболее продуктивным подходом к этой сложной и многосторонней теме.

² Выражаю глубокую признательность И.М. Паперно, Александру Строеву, В.А. Мильчиной, М.Ю. Люстрову, Джули Хансен и Родольфу Бодэну за критические замечания и советы.

Каменева (1772-1804). В письме, адресованном другу-литератору и датированном 31 октября 1800 года, Каменев рассказывает о своем разговоре с Н.М. Карамзиным о недавно случившемся в Москве трагическом происшествии, которое он связывает с проказами “пасмурной погоды”:

В понедельник я был у Г. Карамзина и слышал от него, что один из его приятелей Барон С-т застрелился. Он удивлялся его глупости и не понимал какая бы причина понудила 25-летнего человека, полковника в службе, счастливо награжденного отличными знаками и в цветущем здоровье, лишиться себя жизни. За ужином в половине первого был он весел, как нельзя больше, а в половине второго лежал на полу с раздробленною головою. После его осталось 150 т[ысяч] р[ублей] денег векселями и наличными.

Ожидая какого-то письма из Стокгольма, говаривал часто, что оно решит судьбу его и видно, что оно получено им. Дни за три повторял во

многих собраниях, что наскучил жизнью и ни в чем удовольствия не находит. Приехавши накануне смерти своей к графу Остерману ввел с собою своего камердинера и просил графа, чтоб он по отъезде его не оставил этого верного служителя. – Да куды ты едишь?, спросил граф. “В дальней путь”, – отвечал он. – Да не застрелиться ли хочешь? – “Для чего ж и не так”, продолжал он улыбаясь. После его найдено письмо к Салтыкову с просьбою, чтоб похоронить его в поле, как человека наименее счастливейшего в свете.

Долго разсуждали мы с господином Карамзиным о самоубийстве, говорили о Шписе, которой умер недавно естественною и о Крюкове умершем чрезестественною смертию. Говорили о вашем переводе Тасса, о его и моей гипохондрии, желали оба потерять жизнь параличом или апоплексией, но не пистолетом и завидовали обычаю древних, сожигавших те-

ла покойников (Второв 1845: 55 – 56).

В следующем письме, датированном ноябрем того же года, Каменев сообщает о том, что “[н]а смерть барона князь Долгоруков сочинил эпиграмму: Барон С-н застрелился; / Умы толкуют так и сяк. / Но я у чувств моих спросился / И заключил, что он – дурак” (Второв 1845: 58).

Имя застрелившегося и осмеянного в эпиграмме молодого человека, скрытое в публикации Второва, было указано в повторной (и более точной) публикации этих писем, осуществленной биографом Каменева Е.А. Бобровым в 1902 году – “баронъ Спренгпортень” (Бобров 1901: 139–140, 143). Здесь же были восстановлены сделанные Второвым купюры: в характеристику самоубийцы добавлено “прекраснейшего мужчину в Москве, щастливаго в игре, в женщинах, известнаго императору”, а после слов “Для чего ж и не так’, продолжал он, улыбаясь” включено: “убить себя ничего не значит”. Автором эпиграммы Бобров назвал князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823; [Бобров 1901: 143]).

Впервые имя самоубийцы Спренгпортена в связи с твор-

чеством Карамзина было упомянуто в 1867 году А.Н. Галаховым. Последний, со ссылкой на друга и ближайшего родственника писателя князя П.А. Вяземского, указывал, что карамзинская эпитафия, известная под названием *Последние слова умирающего* (*Бог дал мне свет ума*), “написана, вероятно, по поводу смерти шведа Шпренгпорта, застрелившегося от несчастной любви” (Галахов 1867: 34). Разумеется, мы имеем дело с ошибкой памяти, ибо эта эпитафия написана за 3 года до смерти барона, но ошибкой символической, подчеркивающей глубинную связь трагического инцидента 1800 года с размышлениями Карамзина о самоубийстве.

2.

В книге о русском готическом романе В.Э. Вацура посвятил письму Каменева ценный комментарий, вписывающий отклик Карамзина в историко-культурный контекст споров о самоубийстве в 1790–1800-е годы. Вацура справедливо указывает, что “самоубийство Спренгпортена накладывалось на литературные модели” и, прежде всего, на вертеровскую модель, “где самоубийство возникало как завершающий акт развития страсти, не нахо-

дящей удовлетворения, как выход из страдания, превышающего человеческие силы” (Карамзин, как указывает исследователь, в той или иной степени следовал этой концепции в *Бедной Лизе* и *Сиерре-Морене*) (Вацуру 2002: 219). Вторая популярная модель истолкования самоубийства – изображение его как “акта гражданственного самостояния личности, следующей образцу Катона в трагедии Аддисона ‘Смерть Катона’” (там же). Эту концепцию “развивал Радищев” и ее претворением, по-видимому, и было его самоубийство в 1802 г. Вацуру указывает, что Карамзин упоминал трагедию Аддисона еще в *Письмах русского путешественника*, ссылаясь на статью Ю.М. Лотмана, утверждавшего, что откликом на смерть Радищева была заметка Карамзина в *Вестнике Европы* 1802 года, “тактично, но недвусмысленно осуждающая самоубийство христианина” (там же)³.

³ Как отмечал Лотман, в акте самоубийства Радищев видел право человека “на свободный выбор жить или не жить – залог освобождения от политической тирании” (Лотман 2002: 493). См. полемику с этой интерпретацией в: Baudin 2005, Бодэн 2011, Зорин 2012: 203–207.

Третьим “философским обоснованием добровольной смерти”, по мнению Вацуру, было “вольтерьянство” — “скептическое вольнодумство, воспитанное философией французского Просвещения”, нашедшее себе выражение в романе М.В. Сушкова *Российский Вертер*, вышедшем через девять лет после смерти автора, покончившего с собой в возрасте семнадцати лет:

Смерть Сушкова породила толки в московском обществе. Карамзин общал о ней И.И. Дмитриеву 6 сентября 1792 г. По его версии, Сушков “возненавидел жизнь и удавился”. “Если хочешь, – продолжал он, – то я пришлю к тебе письмо, писанное им к дяде за несколько часов перед смертью. Ты удивишься!” О предсмертном письме Сушкова (до нас не дошедшем) сообщал и Н.Н. Бантыш-Каменский князю А.Б. Куракину 8 сентября: “... сколько тут ругательств Творцу! Сколько надменности и тщеславия о себе!” Карамзин гораздо сдержаннее и аналитичнее; его интересует психологический феномен, о ко-

тором он только что писал в “Письмах русского путешественника”, рассказывая о самоубийстве знакомого ему аббата Н*, человека благочестивого, в свое время души общества; по неизвестной причине он, подобно Сушкову, “возненавидел жизнь” и утопился. Этот фрагмент “Писем” (февраля 2, 1790) был опубликован отдельно в “Московском журнале” в 1791 г.; как раз в то время, когда Карамзин разговаривает с Каменевым о смерти Спренгпортена, он готовит второе издание журнала, где “анекдот” об аббате Н* был повторен (там же).

В интерпретации Карамзина, по Вацуру, “гибель Спренгпортена от собственной руки не была ни гражданским, ни мировоззренческим самоутверждением, ни ‘вертеррианством’ в его классическом виде”. Писатель воспринимает ее “как бессмысленный поступок, не оправдываемый ни чувством, ни разумом и потому почти кощунственный”. Такие самоубийства иногда объяснялись в русском обществе “английским сплином”.

Так, в *Письмах русского путешественника* Карамзин говорил о пресыщенных английских богачах, томящихся от скуки: “Богатый Англичанин от скуки путешествует, от скуки делается охотником, от скуки мотает, от скуки женится, от скуки стреляется”. Вацуро также обращает внимание на письма Бантыша-Каменского за 1792 г., в которых так называемая эпидемия самоубийств интерпретировалась “плодами знакомства с аглицким народом”: “Опасно, чтоб сия аглинская болезнь не вошла в моду у нас”. Ссылается исследователь и на популярные в России *Ночи* Эдварда Юнга; содержавшие резкую инвективу “против самоубийств, этой болезни головы и сердца, распространившейся в Англии” (Вацуру 2002: 220). Возвращаясь к письму Каменева, Вацуру замечает, что молодой автор, говоря о самоубийстве, стремился “дать анатомию ‘гипохондрии’ с иррациональными причинами – дурным настроением, дурной погодой, и ‘Лондон’ появляется в них отнюдь не случайно”. Так же закономерно ему приходит на память и имя Христиана Генриха Шписса (1755–1799), автора известных *Биографий самоубийц* [Biographien der Selbstmörder], *Биографий*

безумцев [Biographien der Wahnsinnigen] и *Moux пutesшествий по логовищам несчастий и юдоли плача* [Meine Reisen durch die Höhlen des Unglücks und Gemächer des Jammers]. “За глухими упоминаниями, – пишет Вацуро, – здесь вновь прорисовываются контуры некоей общей проблемы: автор автобиографической повести о своих путешествиях по юдоли страданий умер в 1799 г. в состоянии глубокой меланхолии, приведшей к психической болезни. Нет сомнений, что именно эти беседы побудили Каменева в 1802 г. перевести повесть Шписса ‘Софья, или Сумасшедшая от любви’” (Вацуро 2002: 221).

Все это, безусловно, верно, но удивительно, что в своем идеологическом комментарии Вацуро обошел вниманием вопрос, кем же был тот самый молодой человек, смерть которого вызвала важные размышления Карамзина и Каменева.

3.

В статье 2002 года исследователь творчества князя И.М. Долгорукова В.П. Степанов указал на то, что трагическая смерть барона Спренгпортена отозвалась, помимо приведенной Каменевым эпитафии,

в нескольких произведениях этого сочинителя. Прежде всего, в стихотворении *Камин в Москве* (публ. 1802), включавшем в себя следующую строфу: “Пора ко нравам примениться, / Мне скоро будет сорок лет, / Пора из опытов учиться / Ценить людей, узнать сей свет. / Искать друзей есть обольщенье / И сердца суетно стремленье. / Исполнилася в наши дни / Людского равнодушья мера; / Не требуйте на то примера: / Увы! – во множестве они”.

К предпоследнему стиху Долгоруков сделал рукописное примечание: “Молодой мужчина застрелился, и некоторые из приятелей его, с коими он обращался и в кругу которых почитаем был необходимым, поговоря об этом, как о странном случае, сутки, на другия поехали на бал и плясали”. Эта история, как указывает Степанов (Степанов 2002: 416–417), ярко описана Долгоруковым в более позднем *Капище моего сердца* (публ. 1872–1874) в разделе, посвященном возлюбленной Карамзина княгине Гагариной:

Княгиня Прасковья Юрьевна, ныне за вторым мужем Кологривая, урожденная княжна Трубецкая [...] женщина с

молоду взбалмошная и на всякую проказу готовая. Во время тесной связи ее с Карамзиным, я не урезал к ней моими посещениями. Всех резвостей исчислить невозможно, какие она выдумывала для приятного препровождения времени и на даче, то есть за городом, и в городском ее доме...

Знаменитый Карамзин преклонял пред ней колена и отражал на нее сияние своей славы. Из всех вечеринок, которые я проводил в ее обществе, памятнее для меня прочих та комическая круговенька, в которую мы, верные ее поклонники, человек до шести, съехавшись, оплакивали самоубийство одного молодого сотоварища нашего, Шпренхпортена, который застрелился; мы призывали дух его с неба, мистическая делали воззвания к царству мертвых, весь воздух около себя очаровывали; словом, из доброй воли пришли все в такой ужас, у камина сидя, что я, доехавши домой, вытерпел страшную бессонницу, и

доныне для меня незабвенную (Долгоруков 1997: 153).

Долгорукова, как мы видим, поразил не сам факт самоубийства товарища (о причинах последнего у него не говорится ни слова), но безразличие и кощунственная реакция великосветских друзей покойного (особенно взбалмошной хозяйки салона) на эту смерть. В то же время шутовской сеанс с вызовом духа самоубийцы (заметим, что подобные вызовы нередко практиковались в век “египетского” мага Калиостро и теософа Сведенборга), по всей видимости, свидетельствует о том, что молодые люди желали узнать, что побудило его совершить этот поступок, но сами себя напугали. Показательно, что дух барона не только вызвал страшную бессонницу Долгорукова, но и долгие годы преследовал его в воспоминаниях (был ли то стыд за грубую эпитафию, приведенную Каменевым в письме?).

Относительно недавно долгоруковское описание “комической круговеньки” у княгини Гагариной использовал в романе-хронике о Карамзине *Российский Тацит* писатель Борис Заболотских. В его воображении барон Шпренпортен

тен превращается в “ревнивого соперника” Карамзина (автор, кажется, намекает, что этот молодой человек покончил с собой от неразделенной любви). Самоубийство барона, говорится в романе, “как громом поразило” Карамзина и привело его к окончательному разрыву с бессердечной красавицей:

Кто-то надумал вызвать его дух. Мистическими заклинаниями добились лишь того, что с впечатлительной Прасковьей Юрьевной приключился нервический припадок. Да и всем остальным стало не по себе. Долгоруков потом не спал всю ночь. На поминках Карамзин не присутствовал, сказавшись больным: мысль его склонялась к тому, чтобы освободиться от этой сумасбродной связи (Заболотских 2000: 167).

Как видим, и историк литературы, и писатель-биограф обращают внимание лишь на последствия самоубийства Спренгпортена. Между тем заданный нами выше вопрос продолжает оставаться открытым: кем был и почему свел счеты с жизнью шведский ба-

рон, жестоко осмеянный друзьями и названный Карамзиным и Долгоруковым глупцом?

Как подсчитали современники, в популярной книге Шписа о самоубийцах (той самой, которую вспоминали Карамзин и Каменев, говоря о Спренгпортене) рассказывалось о сорока девяти случаях сведения счетов с жизнью: 16 человек покончили с собой от любви, шесть – от бедности, три – от амбиций, два человека – от причин, связанных с “монастырской жизнью”, еще шесть – от любви, смешанной с чувством стыда, от страха перед бесчестьем, от оскорблений, от фанатизма, страха смерти, мягкости характера, меланхолии и еще девять – от других причин (Burgess 1825: 14). Этот каталог канонизированных в литературе конца XVIII века причин хорошо иллюстрирует представления современников о самоубийстве как “культурном институте” (Паперно), но, как будет показано ниже, едва ли мы найдем в нем ячейку для реального акта, совершенного молодым бароном.

4.

История короткой жизни барона Спренгпортена (в русских транскрипциях его имя

передавалось также, как Шпренгпортен, Шпренгтспор-тен, Шпренпортен, Шпрингпортен, Шпринхпор-тен, Шпренгпорт и Спренгпорт) крайне интересна и поучительна. Магнус-Вильгельм Спренгпортен (Magnus-Wilhelm Sprengtporten; Максим Егорович Шпренгпортен; Yrjö Maunu Sprengtporten) родился в 1772 году. Он был сыном и наследником уроженца Финляндии, шведского барона и впоследствии русского графа Горана (Георга)-Магнуса Шпренгпортена (Göran Magnus Sprengtporten; в России – Егор Максимович Шпренгпортен, 1740–1819) – известного авантюриста, одного из организаторов дворцового переворота в Швеции, предателя своего короля, осыпавшего его наградами, борца за независимость (под российским протекторатом) Финляндии и активного участника российско-шведской политики от Екатерины II до Александра I (Ордин 1889: 336–369; Грот 1901: 378–435; Алексеев 1910: 16–34; Файбисович 2004: 81–85). В 1786 году честолюбивый Спренгпортен, уже успевший послужить в трех странах (Швеции, Франции и Голландии) и рассматривавший возможность уехать в Америку и

воевать за ее свободу в армии Вашингтона, принял предложение императрицы Екатерины перейти на русскую службу и увез своего сына (по исторической легенде, вопреки его воле) в Россию.

Екатерина, в своей внешней политике неизменно стремившаяся к ослаблению надменного северного соседа, встретила отца и сына Спренгпортенев “с отверстиями объятиями” (хотя и, как указывали современники, презирала шведского генерала как изменника своей родины). Вельможи задавали беглецу пиры, он был возведен в российские бароны, пожалован в камергеры, потом в генерал-майоры, получил в дар поместье в Белоруссии в 500 душ и 2000 рублей на свадьбу (первая жена, мать нашего героя, умерла еще до отъезда Спренгпортенев из Швеции). Вопреки своим обещаниям и амбициозным проектам, возмутить Финляндию против Швеции барону не удалось, и в 1788 году он принял участие в короткой и неудачной войне со Швецией, был тяжело ранен им же некогда обученными финскими егерями (по его словам, был покусан собственными собаками) и в феврале 1790 года приговорен *in absentia* судом в Або к лише-

нию всего имущества и поведению за государственную измену (при переходе на русскую службу он не отказался от шведского подданства). За голову изменника была (по его словам) объявлена награда в 3000 талеров⁴. Ненавистники барона, которых было очень много, распустили слух, что в результате ранения он “стал евнухом” (Барре 1804: 376). Важно отметить, что к концу

⁴ Во втором томе своего историко-военно-патриотического романа *Фаворит* Валентин Пикуль красочно изображает гнев короля Швеции Густава III, вызванный “изменой” Спренгпортена: “Где сейчас предатель Магнус Спренгпортен? Мориц Армфельд отвечал королю: ‘По слухам, он уже принят Екатериною в русскую службу. Его звал в Америку президент Джордж Вашингтон, но Спренгпортен предпочел положить шпагу к ногам России’. Он не просто вручил шпагу Екатерине – он перетасил к ней и планы крепостей наших. Даст бог, мы еще встретимся, тогда я его повешу... Нет, – сказал король, – я не стану вешать эту собаку. Лучше я велю мясникам Стокгольма расчленить его топорами на куски, как это сделал Карл Двенадцатый с таким же предателем Иоганном Рейнгольдом Паткулем, бежавшим к Петру Первому’. ‘Это люди очень разные’, – заметил Тролле. ‘Напротив, они оба одинаковы: Паткуль желал оторвать от короны нашей Лифляндию, а Спренгпортен жаждет отлучения от моей короны Финляндии... Разве не так, мой адмирал?’” (Пикуль 1994: 223).

века у старого Спренгпортена уже была прочная *европейская* репутация не только известного искателя приключений и прожектера, но и одного из самых циничных предателей своего времени. Более того, само имя барона стало нарицательным⁵.

Неудачная военная кампания и высокомерное и нерациональное поведение старого охотника за фортуной немедленно отразились на его русской репутации и карьере: “Его систематическое презрение ко всему шведскому и восхваление всего русского, его беспрерывные похвалы императрице и Потемкину опротивили всем; неуместные иеремиады о понесенных им в Швеции несправедливостях заставляли всех избегать его” (Грот 1901: 401). Постоянные просьбы “неотвязчивого пришельца” наскучили императрице (там же)⁶, и барон, после поражения в Финляндии,

⁵ Так, например, посланник короля Станислава Августа в Петербурге писал своему сюзеру, хорошо знавшему шведского перебежчика, “о польских Спренгпортенах” (Stanislaw August 1964: 122).

⁶ Просьбы о помощи он мотивировал, в частности, “необходимостью устроить положение вывезенного из Швеции сына, уже майора Русской службы и Георгиевского кавалера” (Грот 1901: 401).

был удален от двора и поселился в Теплице в Богемии, где наживал долги, писал философские письма Казанове и сочинял статьи и стихи по-французски⁷. Незадолго до смерти Екатерина произвела его в генерал-поручики, но генеральского жалованья привыкшему жить на широкую ногу барону все равно не хватало⁸. После смерти императрицы он написал несколько писем Павлу с просьбой дозволить ему жить за границей и получать содержание, но уже с 1-го января 1798 года Россия перестала выплачивать ему деньги. Положение барона стало настолько отчаянным, что в письме к графу Безбородко он прозрачно намекал на то, что вынужден будет покончить с собой (“Неудивительно, что он готов был стреляться, - замечал по поводу этой угрозы его биограф Кесарь Ордин, - тем более что то было время Вертера и Шарлотты” [Ордин 1889: 364]; впрочем, гораздо более акту-

альным для барона был не литературный, а финансовый контекст, то есть угроза полного банкротства: так, его личный банкир Р. Сутерланд – тот самый, чьи махинации, связанные с долгами Потемкина и других вельмож, выявил к неудовольствию императрицы Г.Р. Державин, – в 1791 году совершил самоубийство).

Положение Спренгпортена старшего изменилось весной 1798 года. В конце марта Павел дал ему чин генерала от инфантерии и приписал к суворовской армии. В 1798 году (или, по другому свидетельству, в 1800-м) Спренгпортен женился в третий раз на Варваре Николаевне Замысской – то ли графине (Замойской?), то ли костромской купчихе⁹. В сентябре 1800 года император назначил его губернатором Мальты (губернатором воображаемым, ибо остров рыцарей был отвоеван у французов англичанами в 1800 году, и

⁷ Переписку Спренгпортена с Казановой опубликовал Александр Строев (Stroev 1993). См. также статью (Watzlawick 1978).

⁸ Явно не расположенный к Спренгпортену Кесарь Ордин пишет, что в Богемии барон продолжал вести беспорядочную жизнь. См. также (Файбисович 2003).

⁹ По воспоминаниям графини, Павел высоко ценил генерала и подарил ему в знак своего к нему уважения “осыпанный крупными бриллиантами портрет свой, собственные свои пистолеты, и вновь вышедшую тогда книгу о Французской революции с 1789 до 1799 года” “Collection complète des tableaux historiques de la Révolution française” в трех томах (Шишкина 1848: 16).

никто не собирался его “возвращать” Великому Магистру ордена Павлу Петровичу) и своим представителем на переговорах с первым консулом Бонапартом о судьбе русских пленных, захваченных во время итальянской кампании. В начале октября генерал отправился с российской миссией в Пруссию и Бельгию, а затем – с декабря 1800 по январь 1801 года – в Париж. Счастье ему наконец улыбнулось¹⁰.

Сын барона Магнус (Максим Егорович) Россию не любил, хотя и воевал в российской армии с соотечественниками и был ранен в сражении в битве при Сант-Михеле. За проявленную храбрость юноша получил чин капитана, а затем майора русской армии и был лично рекомендован Екатериной князю Потемкину. В 1790 году он служил волонтером Ямбургского карабинерного полка, участвовал в штурме Праги 24 октября 1794 года и был отмечен Суворо-

¹⁰ Ср. свидетельство историка: “Приговоренный в Швеции к смертной казни за измену и бежавший в Россию, он привык к интриге и не имея отечества, работал исключительно в свою пользу. К сожалению, он находил поддержку среди лиц, стоявших во главе правительства, веривших в его политическая способности, авторитет среди финляндцев” (Записки 1890: 146).

вым. О смелости молодого барона вспоминал в своих *Записках* его командир С.И. Мосолов: “Как на штурм я шел, то много волонтеров из свиты Зубова было, а как на бастион с егарями полез, то только один майор Шпренгпорт был, которого отец теперь во Франции” (Мосолов 1904: 124). В мае 1791 года майор Спренгпортен был награжден за отличия орденом св. Георгия IV степени¹¹. В 1792 году, после убийства короля Густава III, он вернулся на шведскую службу, и в мае того же года был назначен адъютантом молодого короля Густава Адольфа и получил чин капитана. Зимой 1796 году он стал обер-адъютантом короля и в августе этого года приехал в составе свиты своего сюзерена и его дяди-регента в Петербург, где тогда готовилось бракосочетание короля с великой княжной Александрой Павловной, сорванное в последний момент из-за религиозного фанатизма шведского монарха (ходили слухи, что переживания, вызванные этим разрывом, свели в могилу императрицу Екатерину). В результа-

¹¹ Георгиевский крест 4-й степени давался, по положению статуса, волонтерам, отличившимся “усердием и храбростью” в кампании против неприятеля.

те последовавших перемен в шведской политике Магнус Вильгельм оставляет королевскую службу и вновь поступает на русскую, получив чин лейтенанта русской армии (его отец вернулся в Петербург лишь в 1798 году).

Видимо, в это время молодой человек и закрутился в “круговеньках” русской золотой молодежи, описанных в мемуарах кн. И.М. Долгорукова¹². По сохранившимся сведениям, молодой Спренгпортен унаследовал от отца страсть к карточной игре. Между тем выраженное Карамзиным мнение о том, что он был баловнем судьбы, не подтверждается другими воспоминаниями (и, конечно, самим фактом сведения счетов с жизнью).

В конце 1797 года молодой человек навлек на себя гнев непредсказуемого императора. Вопреки правилам, установленным еще при Екатерине, он явился на маскарад у княгини Волконской в партикулярном платье, а не маскарадном, за что был немедленно арестован и посажен на гаупт-

¹² В “завещании” Спренгпортена, о котором пойдет речь далее, назван его ровесник известный картежник и мот князь Егорь Алексеевич Голицын (1773–1811).

вахту¹³. Более того, проступок молодого барона вызвал к жизни именной указ об “офицерах в маскарадах” от 7-го января 1798 года. 8 января (то есть практически одновременно с прекращением российского субсидирования старшего барона) император писал генерал-фельдмаршалу графу И.П. Салтыкову:

[...] вследствие донесения от генерал-лейтенанта Архарова о происшествии, случившемся 27 декабря в маскараде отставного майора Шпренгспортена, арестовав, посадить на неделю на гауптвахту и дать

¹³ Как писал Ю.М. Лотман, правительство Павла I “активно стремилось свести на нет возможность индивидуального поведения и выбора собственного стиля и природы пути для каждой отдельной личности, превратить жизнь в службу, а одежду – в мундир” (в данном случае в функции мундира оказывались маски!) (Лотман 2002: 493). Возможно, причиной гнева Павла было не только нарушение шведским по происхождению офицером нормы, но и страх самого царя перед маскарадами – именно на маскараде в 1792 году был смертельно ранен офицерами-заговорщиками Густав III. С точки зрения российского монарха, эти светские мероприятия должно было строго урегулировать, исключив какую-либо возможность проявления дворянской индивидуальности.

знать отъ имени Моего княжне Волконской, что сие делается из уважения к ней, а вы впредь прикажите иметь смотрение, дабы никто в маскарады без маскарадного платья не ездил [...]

Указ заканчивался собственноручною Государевою припискою: “а в противном случае брать под караул, ктоб не был” (Павел 1876: 22)¹⁴.

12 апреля того же года Павел неожиданно вспомнил об оставном майоре и повелел Салтыкову срочно доставить его к себе:

С посланным к вам фельдъегерем отправьте

¹⁴ Рапорт Военной коллегии в Правительствующий Сенат гласил: “Во Высочайшем Его Императорскаго Величества приказе при пароле в 7 й день сего генваря между прочим написано: По случившемуся беспорядку в Москве во время маскарада неучтивства, оказаннаго отставным майором Спренгспортеном Волконской, запрещается всем чинам впредь без маскараднаго платья ездить в маскарад, а майора Спренгспортена арестовать на неделю, а ежели впредь кто приедет в маскарад в кафтане или мундире и без маскараднаго платья, то брать под караул. Сенату военная коллегия об оном для надлежащаго по гражданской части предписания доносить” (Русская Старина 1895: 70).

сюда в С. Петербург отставленнаго из кирасирскаго имени вашего полку майора Спренгпортена (Павел 1876: 24).

Этот инцидент (вполне в духе известного анекдота о «поручике Кижее») стал известен в московском обществе. 27 апреля 1798 года о нем с неодобрением сообщал своему корреспонденту граф Д.П. Бутурлин:

Барона, которого Вы видели у меня дома, срочно вызвали в Петербург; за ним приехал фельдъегерь от императора и дал ему только несколько часов, чтобы собраться в дорогу. Он понятия не имеет, зачем его вызвали. Такой способ приглашать людей очень беспокоит, но я не думаю, что с ним случится что-то плохое, ибо долгое время знаю его и он всегда казался мне смирным и очень осторожным (Бутурлин 1886: 239–240).

Что произошло с молодым офицером в Петербурге, мы не знаем (заметим, что приблизительно в это же время изме-

нилось положение его отца, чьи дела пошли в гору).

В конце октября 1800 года Магнус-Вильгельм неожиданно покончил с собою, не дожив до тридцати лет. Известный мемуарист граф М.Д. Бутурлин (1807–1876), со слов своей старшей сестры, рассказывал, что молодой человек выбросился из окна второго этажа, а причиной самоубийства называл чувство стыда, “так как его отец изменил своему отечеству (т.е. Швеции)” (Бутурлин 1897: 230). Эти сведения приводятся в биографиях старого барона, но они и не точны, и не полны.

Обстоятельствам смерти молодого барона посвящено написанное сразу после его самоубийства письмо упомянутого выше отца М.Д. Бутурлина, графа Дмитрия Петровича. Это “забытое” биографами письмо датируется 31 октября 1800 года и адресовано графу А.Р. Воронцову. Бутурлин с горечью рассказывает своему корреспонденту о том, что знал молодого человека несколько лет и высоко ценил его прекрасную душу (при плохой голове!). Он пишет, что барон покончил с собой сразу после обеда в его семействе:

Мы нашли в его кармане письмо, написанное утром и адресованное маршалу Салтыкову, в котором он говорит о своих делах, несчатьях и последних распоряжениях. Он потратил 100000 рублей. Не могу тебе выразить, как потрясло меня это событие. Он был в самом деле жертвой судьбы. Я его давно знал, и вся его жизнь была ничем иным, как цепью несчастий. Его отец всему причиной (Бутурлин 1886: 283)¹⁵.

Совершенно очевидно, что о кончине барона старшая дочь Бутурлина узнала от отца (ей было всего пять лет, когда застрелился Спренгпортен). Некоторые детали в рассказе Карамзина, приведенном Камневым, по всей видимости, восходят к тому же источнику, хотя и почему-то привязаны к дому графа Остермана.

Письма Спренгпортена к Салтыкову нам не удалось обнаружить, но записка (завещание) молодого барона, адресованная ближайшему другу се-

¹⁵ 15 ноября 1800 года граф Воронцов писал, что слышал от своего племянника графа Бутурлина трагическую историю молодого Спрингпорта (Вяземский 1881: 191).

мы (и активному деятелю финского сепаратистского движения) Карлу Хенрику Клику, была напечатана в одном из исторических изданий конца XIX века (см. приложение). Она датируется 28–29 октября 1800 года. В ней молодой человек распоряжается о своих долгах (любопытно, что большую сумму он завещает отдать знаменитой авантюристке и одной из самых роковых женщин XVIII века графине Софии Потоцкой, бывшей фрау Витт) и оставляет деньги родным и слугам¹⁶. В одном из пунктов завещания он просит Клика помочь отцу, если тот будет нуждаться в деньгах. Стиль этого завещания абсолютно деловой. Причину своего поступка Спренгпортен не называет (лишь в первом предложении говорит, что умирает, потому что не может больше жить) (Hausen 1893: 70–71)¹⁷.

Душеприказчик барона Клик намекает в сопроводившем завещание письме к тетке молодого самоубийцы на какие-то недобрые слухи (которые

он отвергает). В воспоминаниях шведского графа А.Ф. Скбольдебранда говорится, что причиной самоубийства был запрет отца молодого человека дать ему разрешение вернуться на шведскую службу, о которой он мечтал, будучи в сердце истинным шведом; он заболел сплином и застрелился. Эту смерть Скбольдебранд считал карой отцу за измену родину (Schück 1904: 191). В письме бывшего учителя Спренгпортена, финского просветителя Х.Г. Портана от 25 ноября 1802 года смерть молодого человека как будто связывается с отказом шведских судей пересмотреть дело об измене его отца (напомним, что Карамзин упоминал какое-то роковое письмо, полученное из Швеции Спренгпортемом накануне самоубийства; возможно, это был отказ принять его на шведскую службу) (Porthan 1898: 280). В других шведских и финских источниках основной причиной самоубийства Спренгпортена называется либо серьезный проигрыш в карты, либо чьи-то обвинения в карточном мошенничестве (последнее, возможно, объясняет обнаруженную после его смерти гигантскую сумму денег “векселями и наличными”, о чем говорил Карамзин) (Ti-

¹⁶ О борьбе родственников покойного за его наследство см. Vainio-Korhonen 2011.

¹⁷ Выражаем искреннюю признательность М.Ю. Люстрову за помощь в переводе этого завещания и сопроводившего его письма Карла Клика.

gerstedt 1886: 88). Как замечает биограф Горана-Магнуса Спренгпортена, молодой человек, подобно детям других шведских аристократов на русской службе, разошелся с отцом по возвращении в Россию (характерно, что свое последнее письмо он отправляет не ему, а разошедшемуся с отцом другу семьи) (Ramel 2003: 190, 233).

Очевидно, что реальную причину (или причины) этого поступка мы никогда не узнаем (если только не воспользуемся кощунственным и сомнительным методом, использованным его приятелями в салоне Гагариной), но определенный свет на *символическое значение* его поступка (точнее, то значение, которое приписывали ему сочувственники) проливает письмо друга барона, молодого князя Петра Петровича Долгорукова (1772–1806), которое, насколько нам известно, не привлекало еще к себе внимания исследователей русской истории самоубийств.

5.
4 ноября 1800 года кн. Петр Долгоруков пишет своей сестре Е.П. Толстой:

Я уже имел известие о смерти несчастного Шпрергпортена (*sic!*). Я

истино огорчен за себя, ибо теряю не то что обыкновенного для молодых людей знакомого, но истинного друга, в котором я мог быть уверен, зная его положение, обстоятельства, которые со временем могли сделаться хуже. Несчастье, которое с ним случилось и которое он так мало заслуживал, нанесли такое впечатление на его физическое и нравственное (существование), что он никогда не мог быть счастлив и не мог ожидать другой будущности кроме существования в тягость ему самому и без пользы для света.

Зная все это, я доволен его смертью. Восхищаюсь его мужеством. Ему не было другого исхода, чтобы видеть конец своим несчастиям - средство сильное, но единственное, которое во власти человека благородного, чтобы избавиться от несправедливости и преследований, которые иногда сыплются на него в этом свете.

Измена его отца его стране падала, по пред-
рассудку, на него. Он
прежде имел надежду в
этом оправдаться, воз-
вратясь на свою родину,
но потерял ее после всех
несчастий, которья слу-
чились с ним здесь; даже
честь не позволяла ему
этого шага: как мог бы
он явиться?

Предубеждение, которое
там имели благодаря его
отцу, благодаря тому,
что недавно случилось,
могло только увеличить-
ся для тех, кто его не
знал; по тому, что в по-
следнее время случи-
лось, его возвращение
было бы приписано
единственно необходи-
мости покинуть страну,
где он не мог будто
остаться по дурному по-
ведению. С таким благо-
родством и такими чув-
ствами, каковы были его,
возможно ли было сно-
сить подобныя подозре-
ния? И отказываясь от
отечества, опозоренный
в стране, которая одна
могла бы его заменить,
имея отца, которого
природа велит почитать,
а честь - презирать, ка-

кой исход оставался ему?

-

Скажут: терпеливо сно-
сить. Зачем же! Если бы
еще его смерть чье либо
несчастье, еслиб он
имел родных, коих сча-
стие зависело бы от его
существования, еслиб он
имел семейство, коего
был бы поддержкой, но
нет: один, ни к чему не
привязанный, имея
очень мало друзей, кон-
ча свои страдания и не
причиняя никому вреда
тем, что дал себе смерть
- мог ли он колебаться!

Пишу тебе откровенно
свое мнение, любезней-
шая сестра; не беспокой-
ся от того: по своему по-
ложению я далек от того,
чтобы хотел ему подра-
жать. Впрочем ты знаешь
мой образ мыслей - мы
много раз о нем спори-
ли, но я его держусь и
всегда буду держаться.

Прощай любезнейшая
сестра, нежно тебя об-
нимаю, равно как и Сер-
гея и ваших детей; мой
поклон графине Бутур-
линой, если ты ее уви-
дишь (Долгоруков 1865:
1021-1022).

Письмо Долгорукова интересно по нескольким причинам. Во-первых, содержащееся в нем объяснение добровольного ухода Спренгпортена радикально отличается от того, которое предлагал хорошо знавший этого молодого человека Карамзин (бессмысленный поступок пресыщенного жизнью богача и счастливица).

Во-вторых, оно представляет собой идеализированное обобщение “дилеммы Спренгпортена”, выводимой на уровень этико-метафизического конфликта – между сыновним (природным) долгом и честью патриота (как мы видели, в реальной жизни молодой швед метался между двумя сюзеренами и был вполне типичным «пестрым» искателем фортуны).

В-третьих, оно прямо указывает на культурные источники (“эмоциональные матрицы”, в терминологии А.Л. Зорина) оправдания самоубийства, актуальные для автора и, возможно, его несчастного друга. Прежде всего, это знаменитая переписка Сен-Пре с лордом Эдуардом из *Новой Элоизы*, в которой герой романа Руссо объясняет право человека добровольно уйти из жизни, если его уход не принесет ни-

кому из близких ему людей вреда (Partie III, Lettre XXI, Lettre XXII):

Конечно, требуется мужество, чтобы стойко терпеть неизбежные муки, но один лишь безумец добровольно терпит их, когда может от них избавиться, никому не причинив зла. И часто величайшее зло заключено в том, что без нужды его переносишь. И тот, кто не может освободить себя от мучительной жизни и умереть, подобен тому, кто предпочитает, чтобы рана загноилась, только бы не ложиться под спасительный нож врача [...] почему же он, ничем не привязанный к жизни, в одиночестве влачащий свое земное существование, никому не приносящий пользы, не может совершить добрый поступок, почему, по крайней мере, он не имеет права оставить временное свое обиталище, где он всем досаждаст своими стонами и мучится понапрасну? (Руссо 1961: 321–322).

Более того, сам случай молодого Спренгпортена оказывается “предсказан” в этой переписке (правда, подобный род самоубийства осуждается разумным лордом Эдуардом):

Что же случилось с добродетельным патриотом, который отказывался продать свою кровь иностранному государю, ибо считал себя вправе пролить ее только за свою родину, а ныне в отчаянии хочет лишиться себя жизни вопреки прямому запрету законов. Законы, законы, молодой человек! Разве мудрец их презирает? Из уважения к ним невинный Сократ не пожелал покинуть темницу. Ты же без колебания готов попать их, чтобы недостойно покинуть жизнь, да еще спрашиваешь: “Какое зло я свершаю?” (Руссо 1961: 329)¹⁸.

Примечательно, что в интерпретации Долгорукова переживания молодого Спренгпортена напоминают психологические мучения его

¹⁸ О романтическом сценарии самоубийства в романе Руссо см. (Faubert 2015: 38-53).

литературного тезки - благородного героя трилогии Шиллера *Валленштейн* Макса Пикколомини. В третьей части трагедии этот идеалист, потрясенный предательствами своего отца графа Октавио Пикколомини и своего кумира генерала Валленштейна, бросается в самоубийственную атаку и гибнет (его возлюбленная Текла, в свою очередь, кончает жизнь самоубийством). Третья часть трагедии Шиллера, изображающая трагическую дилемму и смерть благородного героя, была впервые поставлена в Веймаре в апреле 1799 года под названием *Wallenstein* и напечатана в 1800 году (мы не знаем, успели ли блестяще образованный князь Петр познакомиться с этой трагедией, но в данном случае нас больше интересует культурно-психологический климат, в котором создавался и который отразил образ шиллеровского героя).

В-четвертых, в письме Долгорукова подчеркивается, что вопрос о праве на самоубийство был крайне важен для него самого и не раз обсуждался им с сестрою (к важности этого вопроса для князя Петра мы еще вернемся).

Наконец, версия самоубийства Спренгпортена, предложенная Долгоруковым, выводит дис-

куссию о смерти молодого барона в культурно-историческую плоскость – или, точнее говоря, является своеобразным медиатором, переводящим частную историю, случившуюся в России, в европейский историко-политический план.

б.

Напомним, что в тот день, когда молодой барон покончил с собой, его отец-генерал находился в Европе во главе дипломатической миссии¹⁹. Хотя официальной задачей старого барона было возвращение русских пленных в Россию, ее тайный смысл заключался в том, чтобы установить доверительные, если не союзнические отношения с первым консулом. После оскорбительного для Павла захвата Мальты англичанами в сентябре 1800 года Россия вышла из второй антифранцузской коалиции и искала союза с прежним врагом (эта новая международная политика бы-

¹⁹ По преданию, Павел объяснил свой выбор дипкурьера тем, что захотел послать изменника к узурпатору; но гораздо правдоподобней звучит объяснение, что для поставленной государем миротворческой задачи был нужен опытный профранцузски настроенный дипломат-европеец (в прошлом он служил шведским послом в Копенгагене).

ла прервана уже в марте 1801 года убийством государя). В декабре генерал Спренгпортен приехал в Париж, где был обласкан Бонапартом, объявившим ему, что отдает русских пленных Павлу без выкупа – в знак дружбы между двумя державами. Барон беседует с Наполеоном о политике, участвует в балах и прочих развлечениях. (В свою очередь, в английской дипломатической переписке и прессе миссия Спренгпортена изображалась в крайне негативном свете, сам генерал постоянно назывался подлым изменником своего отечества и о нем распускались разные дискредитирующие его слухи).

Из письма брата Петра Долгорукова князя Михаила (члена свиты Спренгпортена) следует, что старому барону долго не сообщали о смерти его единственного наследника: “Генерал Спренгпортен не знает еще о смерти своего сына – не имею духа ему о том объявить. Он хорошо веселится, ухаживает за всеми дамами. Их много очень хорошеньких и к тому же очень любезных” (Долгоруков 1865: 1022). Замечательно, что в это время тема благородного сына генерала Спренгпортена неожиданно привлекает к себе внимание парижского света. Из

воспоминаний герцогини д'Абрантес (жены наполеоновского генерала Жюно), вышедших в 1830-е годы (в их создании принимал участие молодой друг герцогини Оноре де Бальзак), рассказывается о том, что первый консул проводил много времени с русским посланником, ценил его ум и храбрость, но не испытывал к нему уважения как к человеку, предавшему свою отчизну. Однажды герцогиня услышала от члена свиты русского генерала историю об отважном сыне последнего, который дал слово никогда не оставлять отца и одновременно не проливать шведской крови: он участвовал в битве, стоя рядом с отцом, но без оружия, и оба были ранены. Эту историю герцогиня и рассказала Бонапарту на одном из балов в честь русского генерала-посланника. (В английских и русском переводах *Записок* герцогини эта история отсутствует).

Источником этого анекдота о благородном сыне и патриоте является, как нам удалось установить, вышедшая в конце XVIII века *История Екатерины II (Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie)* придворного историографа императрицы Жана Анри Кастера (фр. Jean Henri Castéra; 1749–

1838). В последнем томе этого сочинения (переведенного на английский и немецкий языки) приводятся два рассказа, включенные – практически дословно – в мемуары д'Абрантес: история о военном таланте генерала Спренгпортена (в *Записках* она рассказана самим Бонапартом!) и интересующий нас анекдот о юном бароне, решающем сложнейшую этическую коллизию:

Шпренпортен был опасно ранен в первой же битве и охромел на всю жизнь. Но участь изменника нас никоим образом не волнует. То, что нельзя забыть, это одухотворенное поведение его сына, который, совмещая сыновье чувство с не менее святой любовью к своей отчизне, следовал за своим отцом в войнах, но никогда не обнажал меча против Шведов. Между тем императрица полагалась на бежавших от Густава офицеров и вскоре обнаружилось, что она не ошиблась. [...] Когда отец Шпренгпортена уже не мог оставаться на военной службе из-за ранения, его сын стал офице-

ром армии князя Потемкина и был ранен при штурме Измаила (Castéra 1799: 43).

Этот исторический анекдот упоминается и в другом историческом сочинении того времени, *Истории французского консулата* Вильяма Винсента Барре (Barré 1804). Бывший переводчик Наполеона де Барре (служивший некогда в русском флоте, потом во французской революционной армии) рассказывает, что старый барон участвовал в революции 1772 года, приведшей к власти короля Швеции Густава, потом покинул свою отчизну и воевал с нею, был тяжело ранен шрапнелью и стал евнухом. Отцу-предателю автор *Истории* противопоставляет его сына, последовавшего за ним, но ни разу не обнажившего меча против своей страны. Барре указывает, что был близко знаком с молодым Спренгпортенем, раненным во время взятия Измаила в 1790 году (Barré 1804: 376)²⁰. Как видим, в исторической мифологии того времени фигуры отца и сына Спренгпортевых изоб-

ражались как парные и этически противоположные.

Увы, мы едва ли можем узнать, действительно ли рассказала эту историю Наполеону герцогиня д'Абрантес или включила ее в свои позднейшие воспоминания для исторического колорита (техника светского романа Бальзака?), но, если допустить такую возможность, то рассказ о "благородных чертах" сына генерала-изменника получал особую актуальность зимой 1800–1801 года, когда весть о его самоубийстве должна была достигнуть Парижа. По словам герцогини, эта история на мгновение растопила суровое сердце Наполеона:

Bientôt je vis plus; dans cette physionomie de Napoléon, cette physionomie unique dans ses jets lumineux, dans ces pensées toutes créées qu'un jeu de muscles vous révélait, je vis de l'attendrissement. Mais il n'était pas malheureusement assez ami de lui-même pour se laisser aller à ces impressions douces et qui caressent l'âme. Il se détourna en disant avec un accent qui ne peut se rendre ni se faire comprendre: "C'est un

²⁰ Автор этого антинаполеоновского сочинения покончил с собой в 1829 году в Дублине.

brave jeune homme”
(Abrantès 1834: 448)²¹.

Если все это было так, то приведенные слова Наполеона (разумеется, не понаслышке знакомого с дилеммой Спренгпортена²²) могут быть названы лучшей эпитафией

²¹ Неопределимое выражение явилось во взгляде, в улыбке и во всех чертах Наполеона, но вскоре я увидела больше: в его лице, уникальном по своей выразительности, особенно во время борьбы сильных ощущений, я увидела какое-то умиление. Но, к несчастью, он недостаточно любил самого себя и не поддавался ощущениям, ласкающим душу. Вдруг, отвернувшись от меня, он сказал с таким выражением, которого нельзя ни понять, ни объяснить: – Да, это благородный человек [пер. К. Полевого].

²² Ср. известную записку о самоубийстве, сделанную 16-летним Бонапарте – корсиканцем на службе нового отечества: “Что же в таком случае заставляет меня стремиться к смерти? Впрочем, и в самом деле, что же делать мне в этом мире? Раз я должен умереть, не лучше ли уж самому с собой покончить? Какое зрелище увижу я в моей родной стране? Мои соотечественники, закованные в цепи, содрогаюсь, лобзают руку, которая их давит... Это уже не те доблестные корсиканцы, которых одушевлял герой своими высокими качествами, враги тираннов, роскоши и презренных куртизанов... Французы! вам мало было отнять у нас все, что нам было особенно дорого, вы вдобавок развратили еще наши нравы!.. Когда отечество более не существует, хороший гражданин должен умереть” (цит. по Кареев 1901: 64).

несчастному молодому барону.

С гораздо большей уверенностью мы можем предположить, что анекдот о сыне Спренгпортена, рассказанный в только что вышедшей в свет *Истории Екатерины*, был известен как князю П.П. Долгорукову и его сестре, так и самому молодому барону. Можно сказать, что в 1800 году последний оказался заложником собственной историко-литературной репутации, неразрывно связанной с международной репутацией его отца: невозможность полностью соответствовать своему идеализированному образу, вызванная каким-то затронувшим его честь скандалом в России, оказалась для него (по крайней мере, в истолковании его друга-сочувственника) фатальной.

Мы полагаем, что нравственная коллизия, представленная в приведенных выше текстах, является ярким выражением (или лучше сказать, интериоризацией) историко-культурного (поколенческого) сдвига, произошедшего в конце XVIII века, – переход от авантюрно-“ландскнедхской” этики “отцов” к патриотическому идеализму “детей” (линия Пикколомини в заключительной части *Валленштейн*-

на). Иначе говоря, то, что до второй половины XVIII века считалось вполне допустимым и частым явлением (перемена сюзерена и страны службы), теперь осознается современниками – от молодого шведско-русского барона (опять же в интерпретации его патриотически настроенного друга) до молодого корсиканско-французского военачальника – как острый этический конфликт с предполагаемым радикальным решением и русоистско-шиллеровской (прекраснодушной) формой изложения: “И отказываясь от отечества, опозоренный в стране, которая одна могла бы его заменить, имея отца, которого природа велит почитать, а честь - презирать, какой исход оставался ему?”

7. Выстрел, прозвучавший в конце октября 1800 года в Москве, конечно же, не был “подобен Этне”, но и он имел значительный общественный резонанс. Мы насчитываем как минимум восемь объяснений самоубийства молодого барона, восходящих к этому времени и отличающихся разной степенью достоверности и “историчности”:

1. от несчастной любви;
2. от английского сплина;
3. от глупости;
4. от ипохондрии, вызванной дурной погодой;
5. из-за катастрофического карточного проигрыша;
6. из-за обвинений в карточном мошенничестве;
7. из-за отказа отца дать ему разрешение вернуться на службу в любимую Швецию;
8. из-за стыда за отца-изменника и невозможности, возникшей в результате какого-то проступка, вернуться на родину предков.

Какая из этих версий верна? Является ли эта смерть (на культурном языке рубежа XVIII-XIX веков) смертью пресыщенного жизнью английского аристократа? Или смертью ипохондрика-северянина?²³ Или смертью великосветского офицера, честь которого опорочена огромным проигрышем или постыдным обвинением? Или

²³ Согласно “гео-психологическим” представлениям того времени, отраженным во множестве источников, северные народы – особенно англичане и шведы – считались наиболее склонными к самоубийству.

смертью несчастного Вертера, разочаровавшегося в земном существовании? Или “римской” смертью “сраженного, но не сломленного” патриота (“катоновский” уход, в интерпретации Лотман)? Или трагической гибелью в духе невольника чести Макса Пикколони – самого воплощения нравственного благородства? Или просто, используя словечко из названия первой главы позднейшего романа о мнимом самоубийстве, – смертью “дурака”?

Не знаем²⁴. Показательно, что исполнитель воли покойного Клик в письме к тетке молодого Спренгпортена, сопровождавшем “завещание” последнего, пишет, что ни один человек не ведает, что “было причиной этого отчаянного решения”, а “ненавистные предположения, хотя и правдоподобные, называть не стоит” (как сообщает Клик, решение его друга свести счеты с жизнью не было вызвано “неумолимой красотой” или денежными проблемами) (Hausen 1893: 66–71). Очевидно, что с самого начала самоубийство молодого барона (человека редких достоинств, по Клику)

²⁴ Нас здесь интересует не столько реальная причина самоубийства, сколько версии этого события, предложенные современниками.

воспринималось современниками как загадочное и провоцировало поиски объяснения (“умы толкуют так и сяк”; вызов духа покойного)²⁵.

Гораздо продуктивнее, на наш взгляд, представить имеющуюся разноголосицу предположений как своего рода интерпретационный спектр или герменевтическую притчу (в смысле Фрэнка Кермоуда²⁶) о тайне смерти, характерную для культурного периода, когда вопрос добровольного ухода из жизни был не только или даже не столько частным делом, сколько проверкой разных социальных, идеологических и этических представлений. Так, Николай Карамзин, переживший свой мягко-штюрмерский период на рубеже 1780–90-х годов, в начале XIX века, рассматривает смерть барона не просто как кощунственный, с нрав-

²⁵ Возможно, что о нем бы говорили еще больше, если бы его не затмило случившаяся вскоре “чрезъестественная” кончина российского монарха.

²⁶ В *Genesis of Secrecy* Кермоуд писал о страсти к интерпретациям таинственных притч: “Hot for secrets, our only conversation may be with guardians who know less and see less than we can; and our sole hope and pleasure is in the perception of a momentary radiance, before the door of disappointment is finally shut on us” (Kermode 1979: 145).

ственной точки зрения, поступок, но и как определенный историко-психологический феномен, показательный для того времени. Ранний романтик Каменев включает это самоубийство в свой “реестр смерти” (Лазарчук 1976: 77), описывающий меланхолическую судьбу человека в этом мире. Поэт-аристократ Иван Долгоруков отказывается видеть рациональный смысл в самоубийстве Спренгпортена, но холодная и циничная реакция его друзей на этот бессмысленный акт вызывает у него чувство стыда и разочарования в светском обществе (“комические круговеньки”) и символизирующей это общество бессердечной красавице. В свою очередь, молодой друг самоубийцы, офицер и патриот князь Петр Долгоруков восхищается мужественным актом благородного человека, разрываемого между сыновним чувством и любовью к преданной его отцом отчизне. (А за пределами нашего знания – по крайней мере, на данный момент погружения в тему – реакции на смерть барона его отца, шведского короля Густава Адольфа, польской графини Софьи Потоцкой, княгини Прасковьи Гагариной, офицеров его полка,

участников его кутежей, должников, кредиторов и наконец самого императора Павла, которому оставалось прожить в этом мире всего несколько месяцев. О них нам ничего не известно, но они, скорее всего, были).

В результате этой заочной дискуссии, вышедшей, как мы показали, далеко за пределы московского высшего общества конца 1800-го года и, по всей видимости, достигшей Парижа и первого консула, сам шведский барон превращается в своего рода исторического деятеля или, точнее, историческую жертву, метафорически выражающую в своей для кого-то “дурацкой”, а для кого-то осмысленной и даже героической смерти особый момент столкновения противоположных ценностей, перехода от космополитической (авантюристской) к национальной (раннеромантической) модели культурного поведения, коренных изменений в политической и военной этике, а также напряженных и противоречивых русско-(финско)-шведских интересов конца XVIII – начала XIX века. В отличие от своего отца и множества других исторических, в традиционном понимании этого слова, фигур, Магнус Спренгпортен ничего

не успел совершить и ничего не создал, кроме одной, но важной истории – своего выстрела.

Эпилог

Прошло шесть исключительно бурных в европейской истории лет. В начале декабря 1806 года в Петербург срочно возвращается из южной армии фаворит Александра I 28-летний генерал-адъютант князь Петр Петрович Долгоруков. Его скорое возвращение в столицу биографы объясняют по-разному: то ли его вызвал император, то ли он сам по какой-то причине захотел немедленно встретиться с ним.

Для молодого князя это был едва ли не самый трудный период его блестящей жизни: в обществе его осуждали за безрассудный патриотизм (высокомерный разговор с Наполеоном перед битвой и неверный отзыв о состоянии его армии, в определенной степени приведший к аустерлицкий катастрофе). Александр I удалил его от себя после поражения. Князь пытался оправдаться в трактатах, написанных по-французски. Приехав на перекладных из Ясс в Петербург, он в тот же день встретился с царем. О чем они

говорили, неизвестно, но, по мнению биографов Долгорукова, разговор был мучителен для него. Сразу после аудиенции он слег с болезнью, которую якобы подхватил по дороге в столицу, и через несколько дней умер. Хотя кончина его наступила 9 декабря, в семейном предании Долгоруких, записанным ярлым врагом Романовых кн. П.В. Долгоруковым, почему-то называется другая дата и его смерть связывается с исключительно (и, кажется, немотивированно) резким ответом матери покойного императору:

После долгого совещания, приглашенный в тот день к Царскому обеду, отправился наперед в свои покои, для отдохновения лег в постель и более с нея не вставал. По прошествии часа открылась лихорадка, вслед за тем бред, на следующее утро оказались признаки гнилой горячки и на шестой день Князь Петр Петрович скончался 12 Декабря 1806 года на двадцать девятом от рождения. Скончался он в самый день рождения Государя, который отменил назначенный к тому вечеру во

Дворце бал, плакал неутешно в течении трех дней, не выходил на прогулку и не являлся на разводе. Похороны усопшаго совершились в Александро-Невской Лавре в церкви Благовещения в присутствии Государя, оросившего горячими слезами гроб друга своего.

Князь Петр Петрович сочетал с умом и нравом пылким душу самую благородную и самую безкорыстную, ревностный отчизнолюбец, друг верный, слезы многочисленных друзей и всех подчиненных служили праху его безпристрастною похвалою.

По прошествии одиннадцати лет Император Александр, находясь в Москве в 1817 году, сказал матери покойного, княгине Анастасии Симоновне: “Княгиня! Вы в Князе Петре лишились сына, а я в нем утратил друга”. Княгиня отвечала: “Ваше Величество всегда можете найти себе друга, а мне сам Бог не властен возвратить сына”.

Князь Петр Петрович был высок ростом, стройнаго стана, лицом бел, румян, здоровьем крепок, обладал умом живым, остроумным, насмешливым, в обществе отличался любезностью и веселостию нрава (Долгоруков 1840: 182–183; курсив мой, – И. В.).

Считается, что молодой князь умер от гнилой горячки (популярный в ту пору диагноз; смерть Андрея Тургенева, культурные подтексты которой исследованы в недавней книге А.Л. Зорина, также объясняли гнилой горячкой) (Зорин 2012: 481–482). Так, наверное, и было, но стоит заметить, что это был тот самый человек, который за 6 лет до того написал длинное письмо с оправданием смерти Стренгпортена, в котором признавался, что и сам допускает самоубийство, если честь патриота задета и нет другого способа примирить любовь к отчизне с природным долгом: “С таким благородством и такими чувствами, каковы были его, возможно ли было сносить подобныя подозрения?”

Как бы то ни было²⁷, но отчизнолюбивый молодой сподвижник царя умер вовремя, не дожив до поражений русской армии в кампании против Наполеона 1807 года, позорного Тильзитского мира и смерти своего любимого брата генерал-лейтенанта Михаила Долгорукова в проигранной русскими битве при Иденсальми (в финской и шведской литературе – при Кольонвирте или на мосту Вирта) во время русско-шведской войны 1808 года (впрочем, как сказал бы лорд Эдуард, если бы он собрался с силами и вытерпел, то дожил бы до разгрома шведов, великой победы над Наполеоном и вошел бы в Париж вместе со своим возлюбленным императором).

До всех этих славных событий (как бы в подтверждение знаменитым шиллеровским стихам в переводе В.А. Жуковского “нет великого Патрокла! / Жив презрительный Тильзит”, то есть “Терсит”) дожил старый барон Георг-Магнус Спренгпортен. В 1808 году его мечта осуществилась: Финляндия была отделена от Швеции и стала частью Российской империи, а сам 68-

²⁷ Как кажется, князь П.В. Долгоруков здесь вполне сознательно намекает на вину императора Александра в смерти своего родственника.

летний генерал был назначен ее первым военным губернатором. Впрочем, на этом посту он пробыл недолго и вынужден был уйти в отставку, сославшись на здоровье, расстроенное, как он писал графу Аракчееву 4 мая 1809 года, от “многочисленных трудов” и “случившейся” смертью усыновленного им наследника, “которая для [него была] столь чувствительна”²⁸. По выходу в

²⁸ Речь здесь идет об усыновленном графом молодым Карле Спренгпортене, с которым Горан-Магнус и его супруга Варвара Николаевна путешествовали по России в 1802-1803 годы. О его безвременной кончине кн. М.И. Голенищев-Кутузов сообщал жене в письме от 7 марта 1809 года из Ясс: “Я тебе, мой друг, даю печальную комиссию. Молодой Шпренгпортен, который прошедшего лета приехал, с твоим письмом, на этих днях умер. Прилагаю к отцу письмо, которое кажется надобно доставить к старику чрез жену. Молодой человек был пренесчастливый, всегда в задумчивости и казался нести какое-то несчастье, об котором никому не говорил” (Опочинин 1871: 203; курсив мой, – И. В.). В 1807 году он состоял при генерале Беннигсене и был глубоко разочарован Тильзитским миром. Как вспоминал его друг, будущий декабрист С.Г. Волконский, после заключения мира молодые люди “с горя (по русской привычке), не имея других питий, как водка”, “выпили вдвоем три полштофа Гданской сладкой водки, и так опьянели, что, плюя на бивуачный огонь, удивлялись, что он от этого не гаснул” (Волконский 1991:

отставку генерал получил за заслуги перед своим вторым отечеством титул графа (шиллеровский граф Октавио Пиколомини стал в финале трилогии князем) и умер в октябре 1819 года. О роли Ирjö (Yrjö) Максимовича Спренгпортена в истории русско-шведских и русско-финских отношений до сих пор спорят исследователи²⁹, писатели³⁰, публицисты и государственные деятели³¹.

127). Кажется, что выделенная курсивом характеристика, данная Голенищевым-Кутузовым молодому человеку, звучит как намек на то, что смерть его не была вызвана физической болезнью или вражеской пулей. Если бы мы писали роман о семье барона, то он был бы точно готическим. См. также (Файбисович 2003).

²⁹ Ср. например, концептуальное название лучшей биографии этого исторического персонажа, написанной Рамелом Стигом (Ramel Stig) “Göran Magnus Sprengtporten: förrädaren och patrioten” (т.е. “Горан Магнус Спренгтпортен: изменник и патриот” (2003).

³⁰ В “злободневном” (и вообще злом) романе Пикуля *Фаворит* генерал Спренгпортен представлен патриотом не только Финляндии, но и России: “Георг Магнус Спренгпортен был одержим идеей самостоятельности Финляндии. Есть и его заслуга в том, что финский народ обрел автономное правление и страна Суоми стала ‘Великим княжеством Финляндским’. Его много порицали – как предателя! – историки Стокгольма, историки Гельсингфорса, и только

потом, уже после второй мировой войны, когда знаменитая ‘линия Паасикиви’ выпрямила все искривления прошлого, Спренгпортена стали называть не предателем, а – патриотом. В русской же истории он, генерал и дипломат, остался с русским именем – Егор Максимович!” (Пикуль 1994: 228). Пикуль ссылается здесь на политику послевоенных президентов Финляндии Юхо Паасикиви и Урхо Кекконена, направленную на поддержание дружественных отношений с СССР.

³¹ Похоронен на Смоленском лютеранском кладбище Санкт-Петербурга. В августе 2010 года состоялось торжественное открытие его отреставрированного надгробного памятника в присутствии вице-губернатора города Михаила Осеевского и главы финской провинции Южное Саво Матти Виилайнен. В своем выступлении Виилайнен “подчеркнул, что Спренгпортен был активным сторонником создания самостоятельной Финляндии – в составе Российской Империи [...]. Он также подчеркнул, что деятельность Спренгпортена неоднозначно оценивалась историками” <<https://regnum.ru/news/1315271.html>>, последнее посещение 19.06.2020.

Библиография

Abrantès 1837: D'Abrantès, Laure Junot. 1837. *Mémoires de madame la duchesse d'Abrantès* (Bruxelles: Société belge de librairie).

Barré 1804: Barré, William Vincent. 1804. *History of the French Consulate, Under Napoleon Buonaparte* (London: James Cundee).

Baudin 2005: Baudin, Rodolphe. 2005. 'La mort de Radiščev ou la fabrique des mythes', *Russica romana*, 12: 39–57.

Burgess 1825: Burgess, Samuel Walter. 1835. *Historical Illustrations of the Origin and Progress of the Conduct of Mankind*, vol. 2 (London: Longman, Hurst, Rees).

Castéra 1799: Castéra, Jean-Henri. 1799. *Histoire De Catherine II, Impératrice De Russie*, vol. 3 (Paris: Chez F. Buisson).

Kermode 1979: Kermode, Frank. 1979. *The Genesis of Secrecy: On the Interpretation of Narrative* (Cambridge, London: Harvard University Press).

Porthan 1898: Porthan, Henrik. 1898. Ernst Lagus, *Bref från Henrik Gabriel Porthan till samtida*, vol. 1 (Helsingfors: Tidnigs- & Tryckeri-Aktiebolagets Tryckeri).

Vainio-Korhonen 2011: Vainio-Korhonen, Kirsi. 2011. *Sophie Creutz och hennes tid: Adelsliv i 1700-talets Finland* (Helsingfors, Stockholm: Atlantis).

Watzlawick 1978: Watzlawick, H. 1978. 'Companion in Exile: General Sprengtporten', *Casanova Gleanings. Revue Internationale d'Etudes Casanoviennes et Dix-Huitiémistes*, 21: 47–54.

Stanislaw August 1964: Stanislaw II August, König v. Polen. 1964. *Rok nadziei i rok klęski, 1791–1792: z korespondencji Stanisława Augusta z posłem polskim w Petersburgu Augustynem Deboli* (Czytelnik).

Ramel 2003: Ramel, Stig. 2003. *Göran Magnus Sprengtporten: förrädaren och patrioten* (Malmö: Atlantis).

Stroev 1993: Stroev, Alexandre. 1993. 'Casanova et Sprengtporten, leur correspondance (en collaboration avec Helmut

Watzlawick et Marco Leeflang)', в: *L'Intermédiaire des casanovistes* (Roma: P. Chiara), 1–19.

Tigerstedt 1886: Tigerstedt, Karl. 1886. 'Goran Magnus Sprengtporten, 1789-1808' в: *Finsk tidskrift*, vol. 20 (Helsingfors: J. Simelii Afvingars Tryckeri).

Faubert 2015: Faubert, Michelle. 2015. 'Romantic Suicide, Contagion, and Rousseau's Julie', в: *Rousseau, Switzerland: New Prospects* (Houndsmills: Palgrave), 38–53.

Hausen 1893: Hausen, R. 1893. 'Bref från major Carl Henrik Klick till fru Helena Sofia Glansenstjerna', в: Raberch, Herman. *Teologins historia vid Åbo Universitet*, vol. 1 (Helsingfors: Tidnings- & Tryckeri-Aktiebolagets Tryckeri), 66–71.

Schück 1904: Schück, Henrik. 1904. *Excellensen grefve A.F. Skjöldebrands memoarer utg*, vol. 3 (Stockholm: Hugo Gebers Förlag).

Алексеев 1910: Алексеев, А. 1910. *Шведская война, 1808–1809 гг.*, ч. 3 (Санкт-Петербург: Типография "Бережливость"), 16–34

Бобров 1901: Бобров, Евгений. 1901. *Литература и просвещение в России XIX в: материалы, исследования и заметки*. Т. 1 (Казань: Типо-литография Императорского Университета).

Бодэн 2011: Бодэн, Родольф. 2011. "Дневник одной недели" А.Н. Радищева: реальное время русского сентиментализма', в *XVIII век*, сб. 26 (Санкт-Петербург: Наука), 288–301.

Бутурлин 1886: Бутурлин, И. 1886. 'Из писем графа Дмитрия Петровича Бутурлина к дядьям его графам Воронцовым за 1780 –1821 гг.', в: *Архив князя Воронцова. Бумаги графов Воронцовых*, кн. 32 (Москва: В Университетской типографии), 223–460.

Бутурлин 1897: Бутурлин, Михаил. 1897. 'Записки гр. М.Д. Бутурлина', *Русский архив*, кн. 2, 5: 5–74.

Вацуро 2002: Вацуро, Вадим. 2002. *Готический роман в России* (Москва: Новое литературное обозрение).

Волконский 1991: Волконский, Сергей. 1991. *Записки* (Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издание).

Второв 1845: Второв, Николай. 1845. 'Гаврила Петрович Каменев. (Посвящается другу его С.А. Москотильникову)', в: *Вчера и сегодня: литературный сборник, составленный Гр. В.А. Соллогубом*, кн. 1 (Санкт-Петербург: В типографии Императорской Академии наук).

Вяземский 1881: Вяземский, Андрей. 1881. *Архив князя Вяземского. Князь Андрей Иванович Вяземский* (Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева).

Галахов 1867: Галахов, Алексей. 1867. 'Биографические и литературные заметки о Карамзине. По поводу новых материалов для его биографии и деятельности', в: *Журнал министерства народного просвещения*, т. 133 (Санкт-Петербург: Печатня В. Головина).

Грот 1901: Грот, Яков. 1901. 'Спрентпортен, шведский эмигрант при Екатерине II', в Он же, *Из русской истории* (Санкт-Петербург: Типография Министерства Путей Сообщения), 378-435.

Долгоруков 1840: Долгоруков, Пётр. 1840. *Сказание о роде князей Долгоруковых* (Санкт-Петербург: В Типографии Эдуарда Праца).

Долгоруков 1997: Долгоруков, Иван. 1997. *Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни* (Москва: Наука).

Долгоруков 1865: Долгоруков, Михаил. 1865. 'Письма к Елене Петровне Толстой', в: *Русский архив*, т. 3 (Москва: Типография В. Грачева).

Заболотских 2000: Заболотских, Борис. 2000. *Н.М. Карамзин. Российский Тацит: Роман-хроника* (Москва: Классика).

Записки 1890: *Записки Императорской академии наук*. 1890, т. 63 (Санкт-Петербург: б. и.).

Зорин 2012: Зорин, Андрей. 2012. 'Еще раз о "Дневнике одной недели" А.Н. Радищева: датировка, жанр, биографическая проблематика: (опыт историко-психологической реконструкции)', в: *Новое литературное обозрение*, 1: 130-156.

Зорин 2016: Зорин, Андрей. 2016. *Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв.* (Москва: Новое литературное обозрение).

Кареев 1901: Кареев, Николай. 1901. *История Западной Европы в новое время: Первая треть XIX века. Консульство, Империя, Реставрация* (Санкт-Петербург: Типография И.А. Ефрона).

Лазарчук 1976: Лазарчук, Римма. 1976. 'Письма Г.П. Каменева и их историко-литературное значение', в *Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвузовский сборник научных трудов*, вып. 2 (Ленинград: Издательство ЛГПИ им. А. И. Герцена), 74–84.

Лотман 2002: Лотман, Юрий. 2002. *Статьи по семиотике культуры и искусства* (Санкт-Петербург: Академический проект).

Мосолов 1904: Мосолов, Сергей. 1904. 'Записки отставного генерал-майора Сергея Ив. Мосолова. История моей жизни', в: *Щукинский сборник*, т. 3. (Москва: Типография товарищества А.Н. Мамонтова).

Опочинин 1871: Опочинин, Фёдор. 1871. 'Письма М.И. Голенищева-Кутузова к жене', в *Русская старина*, т. 3 (Санкт-Петербург: Печатня В. Головина).

Ордин 1889: Ордин, Кесарь. 1889. *Покорение Финляндии: опыт описания по неизданным источникам*, т. 1 (Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова), 336–369.

Павел 1876: Павел I. 1876. 'Письма императора Павла Петровича к московским главнокомандующим', в: *Русский архив*, т. 14, кн. 1 (Москва, Типография Грачева).

Паперно 1999: Паперно, Ирина. 1999. *Самоубийство как культурный институт* (Москва, Новое литературное обозрение).

Пикуль 1994: Пикуль, Валентин. 1994. *Под золотым дождем: Фаворит*, т. 2 (Санкт-Петербург: Тухань).

Русская Старина 1895: 'Офицеры в маскарадах', *Русская старина*, т. 83 (Санкт-Петербург: Типография Товарищества "Общественная польза").

Руссо 1961: Руссо, Жан-Жак. 1861. *Избранные сочинения в трёх томах*, т. 2 (Москва: Государственное издательство художественной литературы).

Степанов 2002: Степанов, Владимир. 2002. 'Неизданные тексты И.М. Долгорукова' в: *XVIII век*, сб. 22 (Санкт-Петербург: ИРЛИ), 419–430.

Файбисович 2004: Файбисович, Виктор. 2004. 'Русская карьера генерала Спренгтпортена (1741–1819). (Изменник шведской короны на русской службе)', *Наше наследие*, 71: 81–85.

Фраанье 1995: Фраанье, М. 1995. 'Прощальные письма М.В. Сушкова. (О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века)', в: *XVIII век*, сб. 19 (Санкт-Петербург: ИРЛИ), 147–167.

Шишкина 1848: Шишкина, Олимпиада. 1848. *Заметки и воспоминания русской путешественницы по России, в 1845 году* (Санкт-Петербург: б. и.).

